

На правах рукописи

Жидченко Александр Владимирович

**ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НОВОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА В
СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА:
ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН**

Специальность 5.6.4. – этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Москва – 2024

Работа выполнена в Центре гендерных исследований ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Наталья Львовна Пушкарева

Официальные оппоненты:

1. **Титова Татьяна Алексеевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета.

2. **Мутиева Оксана Саидовна** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет».

3. **Сулейманова Рима Нугамановна** — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет»

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Изучение человеческой обыденности, которое вслед за германскими социальными теоретиками именуется в современных исследованиях прошлого *историей повседневности*¹, получило права гражданства в российской науке сравнительно недавно, но быстро обрело множество приверженцев². Все еще новым остается в отечественном историописании понятие *женской повседневности*, под которой понимается реальность, которая проживается и интерпретируется женщинами и имеет для них значение в качестве цельного мира, отраженного в их сиюминутных переживаниях и воспоминаниях о прошлом³.

Как ветвь в историко-антропологическом изучении ушедшего времени, исследование женской повседневности развернулось благодаря историко-теоретическому вкладу Н.Л.Пушкаревой и быстро набравшей силу ее научной школы (А.В.Белова, П.П.Щербинин, З.З.Мухина, Н.А.Мицюк, В.В.Долгов, Р.Н.Сулейманова, О.С.Мутиева⁴, в последние годы актуальность этого направления подтвердили В.А.Веремченко, С.В.Любичанковский и др.⁵). Несмотря на стремительный рост в мире числа специалистов, чьи работы продвигают развитие этой области культурно-антропологических и социально-антропологических изысканий, на огромный интерес и востребованность изучения женской повседневности на разных этапах отечественной истории в столицах и в провинции⁶, в разных социальных слоях, в историко-антропологическом изучении темы остаются аспекты, за анализ которых мало, кто брался.

В частности, женская повседневность в период хрущевской оттепели и последующие за ним десятилетия оказались наименее изученными в советской женской истории. При высокой роли вмешательства государства в разные сферы частной жизни и желании власти регулировать социально-половые взаимодействия «сверху»⁷, этот период может оказаться весьма показательным, в известной степени – определить пути к пониманию происходивших тогда перемен. Способом изучения женской повседневной жизни в этот период может стать реконструкция уникального социального опыта и социальной памяти о нем, сохраненном женщинами, готовыми им поделиться. Подобного рода знания – ключ к пониманию главного вектора развития

¹ Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др.; Под общей ред. С.В. Журавлева. М. РОССПЭН. 2010. 270 с.

² Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.; Кромм М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия). // История повседневности: Сборник научных работ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. Алетейя. 2003. С. 7-14.

³ Пушкарева Н.Л. Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Исторические науки. 2019. Том 18. №2. С. 206-213.

⁴ Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России: XVIII - середина XIX в. Дисс... д.и.н., специальность 07.00.07 - этнография, этнология и антропология. М., 2009; Мухина З.З. Новое в повседневности девушки-крестьянки центра России (конец XIX – начало XX века) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 83-90. И др.

⁵ Веремченко В.А., Любичанковский С.В. От Н.Л. Пушкаревой до Н.Л. Пушкаревой: современная историография истории женской повседневности в России. Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. Выпуск 3(46). С. 85-94.

⁶ Сулейманова Р.Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии XX века: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Место защиты: Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011. 46 с.

⁷ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики, 2003. Т. 1, № 3/4. С. 299-321.

российской государственности во второй половине XX – начале XXI вв., поскольку переданное следующим поколениям социокультурное наследие может стать ответом на загадки сохранности консервативных элементов в динамике современной социальной политики, наметить способы понимания традиционности коллективного мышления.

Также не изученной и не разработанной остается проблематика «нового» советского города середины XX века, под которым нами понимается впервые создаваемое городское пространство для проживания населения, занятого на определенном крупном предприятии или работающего в определенной советской организации в 1950-1960-е гг. Советское общество середины XX века, готовое к масштабным переменам, переходу к социальной модели «страны победившего социализма», находилось в условиях заметных ценностных трансформаций. Воплотившие в себе передовые идеи своего времени (образцовая городская среда) «новые» советские города были призваны стать отражением идеальной модели повседневной жизни⁸, в том числе женской повседневности, в ценностном ключе – сделать советских женщин счастливыми (в новом городе, с новыми людьми, в новом жилье). Важность обращения к исследованию данного опыта диктуют современные трансформации в российском обществе, находящемся в условиях цифровизации, освоения искусственного интеллекта, поиска новой философии в сфере традиционных ценностей.

Исследовательская проблема. В основе исследования женской советской повседневности в середине XX века лежит стремление истолковать бытовое поведение, исходя из норм и ценностей отечественной культуры семидесятилетней давности, понять смысл мира, привычного для женщин той эпохи. Как исследовательская тема, повседневная жизнь советских женщин заставляет интегративно объединить изучение социальной памяти и культурного наследия, общественных трансформаций и устойчивых стереотипов. Желание понять, чем жили и дышали поколения до нас, заставляет ученых вновь и вновь возвращаться к анализу деталей быта ушедших десятилетий. Подход с позиции детерминированного социальным полем осмысления повседневности предполагает и формальное усиление внимания к «женскому вопросу», якобы давно решенному в СССР, еще до Великой Отечественной войны, а также повышает значимость получения адекватной информации о возможности в рассматриваемые десятилетия действительного равенства полов (при равенстве провозглашенном). Тема, взятая для пристального историко-антропологического изучения, предполагает особое внимание к собираемому эмпирическому материалу, к необходимости отдельного сбора и аналитического рассмотрения текстов, созданных женщинами и мужчинами при выделении именно женщин в качестве ключевых информаторов.

Выбранный период – середина XX века, в историографии и в обыденном дискурсе принято именовать временем «Оттепели». О нем написано много трудов, но исследователи макропроцессов не фиксировали в своей работе преодоленные бытовые трудности, писали о крупных политических событиях, социальных сдвигах и явлениях, почти не уделив внимания жизни обычных людей, рядовых граждан.

⁸ Жидченко А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе: проблемы формирования городской среды, 1950-1960-е гг.: локальный аспект. Дисс... канд. ист. наук. 07.00.07 (Отечественная история). Омск, 2013. 457 с.

Создатели такой «Большой истории» оставляли за кадром реконструкции событий прошлого немалый комплекс источников, считавшихся долгое время малозначимыми. Применение историко-антропологического метода позволит вовлечь в исследовательский процесс эти мало задействованные ранее источники личного происхождения – прежде всего, устные воспоминания⁹, а также семейные архивы, домашние фотографии, дневники и др.).

Прежние исследования «Большой истории» претендовали на восстановление картины социально-экономических и общественно-политических процессов, но бытовая жизнь обычных, рядовых людей часто обходилась ими. Новый взгляд на историю Оттепели, который сможет раскрыться в ходе изучения быта и «бытового», сможет дать возможность сопоставить «образцовое» (декларируемое официальными источниками) и реальность.

Антропологически ориентированное изучение быта позволит соединять микрособытия и макрособытия, микросреду и среду обитания, истории и биографии отдельных людей и события государственного масштаба. В контексте городской антропологии можно поставить задачу изучения жизни горожанок и увидеть среду их обитания как макросреду. Город, улица, дом – всё это среда обитания, и именно повседневность позволяет соединять друг с другом жизнь людей и городское пространство, в противном случае изучение города или урбанистика останутся существующими сами по себе, а люди, здесь жившие, ускользнут от оценок аналитика. Между тем, характерные для женщин специфические формы личностного переживания опыта, рождают, по мнению ведущих российских этнографов, особый тип понимания как социальных процессов прошлого, так и современной прогностики¹⁰. В антропологическом измерении каждодневные бытовые практики раскрывают ту область, которая относится к естественному и бессознательному поведению, ведут к раскрытию общенационального характера через черты народного быта, этнической идентичности, этнокультурного пространства¹¹ и пр.

На сегодняшний день изучение женской повседневности и женской социальной памяти востребовано временем. Традиционные ценности семьи, брака, продолжения рода, воспитания социально ответственного поколения, размываются под влиянием глобализации и распространения инокультурных стандартов. Именно поэтому изучение позитивного социального опыта прошлого и его трансляция нынешним и будущим поколениям – важная задача (а в известной степени – и миссия) современной исторической науки.

Степень научной разработанности темы. История развития исследований женской городской повседневности 1950-60-х гг. сквозь призму социальной памяти отражена в соответствующей главе диссертационного исследования, с разделением на параграфы, посвященные отечественной и зарубежной историографии вопроса.

Заявленная проблема ранее не становилась предметом исследований как отечественных, так и зарубежных историков, что придает дополнительную

⁹ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: Изд-во Барнаул. Гос. Пед. Ун-та, 2008. 528 с.

¹⁰ Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности». гендерные исследования: методология и методика // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 3.

¹¹ Титова Т.А. Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Место защиты: ФГОУВПО "Чувашский государственный университет". Казань, 2008. 422 с.

актуальность теме с историографической точки зрения, а также предопределяет ее социальную востребованность.

Первый шаг в осмыслении женского быта и положения женщин в советском обществе середины XX века предприняли американские авторы в 1960-80-е гг. (D.Brown, C.Nehemiah, G.Lapidus, G.Browning и др.). В дальнейшем, в связи с возрастанием роли антропологического поворота в исторической науке, а также с возможностью работы зарубежных авторов с источниками личного происхождения на постсоветском пространстве, тема женской повседневности 1950-1960-х гг. обретает новое осмысление, что связано с появлением ряда крупных обобщающих работ (J.Moses, L.Attwood, D.Filtzer, S.Boym, S.Reid, M.Иіс и др.).

На 1990-е гг. приходится первые попытки сбора и анализа эгодокументов о прошлом советских женщин (Н.Н. Козлова). Однако только во второй половине 2000-х гг. появляются разноплановые работы о женской городской повседневности в СССР (Н.Л. Пушкарева, И.В. Виниченко, Н. Лебина и др.), в том числе основанные на локальных материалах, с применением устной истории.

Помимо женской истории, важное место в работе занимает городская антропология. В историографическом разделе исследований дан анализ эволюции подходов к изучению города - от анализа зарубежных практик и концептов «Чикагской школы» (Park R., Wirth L. и др.) до отечественных разработок социологов и историков второй половины XX века (В.С. Глазычев, А.С. Сенявский и др.).

Источниковая база исследования.

Документы высших партийных и государственных органов, содержащие директивы, стенографические отчеты, материалы Съездов и конференций КПСС; решения специальных пленумов и комиссий. Анализ этих материалов необходим для реконструкции «идеальной модели» советского города и советского общества в период строительства коммунизма.

Нормативные акты. В ходе сбора формирования источниковой базы автором был произведен фронтальный просмотр содержаний сборников решений и постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по народнохозяйственным вопросам, вопросам строительства, экономики и социальной сферы.

Делопроизводственная документация включает, как неопубликованные справки, решения, статические сведения, протоколы, отчеты, так и опубликованные в региональных сборниках документы. Эта группа главным образом включает материалы местных архивов о деятельности культурно-бытовых, хозяйственных учреждений и предприятий в исследуемых городах и районах. Всего информация извлечена из 39 архивных фондов (в том числе 11 фондов трех федеральных архивохранилищ и 28 фондов региональных и местных архивохранилищ).

Устные воспоминания старожилок новых советских городов 1950-60-х гг. Под общим названием неструктурированные биографические интервью, этот источник становится стержневым и основополагающим в работе. Всего, за 15 лет полевой работы (в период с 2008 по 2023 гг.), в изучаемых городах автором были собраны более 300 воспоминаний женщин, проживавших в новых городах СССР в 1950-60-е гг., однако в данном диссертационном исследовании использованы материалы лишь 81 интервью. Основу выборки респонденток, проживавших в исследуемый период в новых советских городах составила их культурно-историческая принадлежность к данным городам, стремление обеспечить возможно более широкий охват

профессиональной, этнической принадлежности респонденток, женщин разного социального происхождения, а также представительство двух поколений – (1) переехавших в новый город в сознательном возрасте и (2) родившиеся в этих городах и выросших в них женщин.

На протяжении 15 лет автор предпринимал экспедиции с целью сбора полевого материала (устных воспоминаний старожилок новых советских городов середины – второй половины XX века). В период с 2008 по 2024 гг. проводился сбор полевого материала в следующих городах и городских районах: омский Городок Нефтяников (2008-2011 гг.), новосибирский Академгородок (2011-2013 гг.), Дубна (2014, 2022 гг.), Магнитогорск (2016 г.), Салават (2010, 2015, 2017 гг.), Ангарск (2021 г.), Жигулевск и Тольятти (2018; 2023 гг.), Жуковский (2022).

С целью проведения сравнительно-исторического анализа женской повседневности СССР и США в середине XX в. в 2019-2020 гг. автором предпринимался сбор устных воспоминаний старожилок новых американских городов, основанных в первое десятилетие после начала Холодной войны. Анализ этих воспоминаний лег в основу ряда сравнительно-исторических конструкций, которые приводятся в разных главах данной работы.

Отраслевая литература помогает раскрыть ключевые вопросы изменения методов строительства жилья, планировки городов и жилого пространства квартир, благоустройства, налаживания системы быта и потребления. Всего проанализировано более 100 книг, входящих в группу отраслевой литературы.

Периодическая печать. Автором был произведен фронтальный просмотр за период с 1950-го по 1969-й гг. основных местных газет исследуемых городов: «Омская правда» (Омск), «Советская Сибирь» и «Вечерний Новосибирск» (Новосибирск), «Время» (Ангарск), «Путь Октября» и «Ленинское знамя» (Салават), «За коммунизм» (Дубна), «Жуковский вестник» (Жуковский), «Магнитогорский рабочий» (Магнитогорск), «Жигулевский рабочий» (Жигулевск).

Всего за 19 лет (1950-1969 гг.) было выявлено 1 285 публикаций (статей, заметок, фоторепортажей и т.д.) прямо или косвенно связанных с женской повседневностью и формированием городского пространства указанных новых городов и городских районов. В данном случае периодическая печать стала основой для формирования рабочей хроники истории строительства нового городского пространства.

Для реконструкции «идеальной модели» советского города и городской повседневности в рамках курса на строительство коммунизма был произведен фронтальный просмотр с середины 1950-х до середины 1960-х гг. таких периодических изданий, как «Архитектура СССР», «Декоративное искусство СССР». С точки зрения формирования «идеальной модели» повседневной жизни советского человека (советской женщины) проанализированы публикации в таких периодических изданиях, как: «Комсомольская жизнь», «Молодой коммунист», «Нефтяник», «Новые товары», «Огонек», «Партийная жизнь», «Советская женщина», «Социальное обеспечение», «Службы быта» и др.

Музейные фондовые коллекции и материалы музейных экспозиций.

Теоретическая и практическая значимость изучения городской повседневности в СССР середины XX века сквозь призму женской социальной памяти важна не только для восстановления пробелов в отечественной исторической науке (в

направлении ее антропологического измерения применительно к XX веку), но и для осмысления причин социально-культурных трансформаций в нашей стране, для конструирования современной и будущей гендерной и демографической политики, для формирования политик памяти. **Теоретическая значимость** исследования усилена тем, что оно построено на основе авторской исследовательской модели, опирающейся на принципы синергетического подхода и междисциплинарного синтеза. Данная модель может быть применена при анализе женской повседневности, рассмотренной в контексте формировавшихся тогда городских пространств (строительства новых городов, новых районов) в широком охвате территориальных и хронологических рамок. Такая реконструкция с применением апробированной в данном исследовании модели позволит изучать не только советский (социалистический) город, но и аналогичные города со сходной с СССР экономической моделью, города дальнего зарубежья (для этого в текст диссертации введены некоторые сопоставления с женской городской повседневностью США). **Практическая значимость** состоит в возможности использования выводов и материалов диссертации в подготовке обобщающих курсов по истории России, истории повседневности советского периода, исторической антропологии, краеведения. Отдельные положения работы могут быть применены в экскурсионной и музейной практике, при организации городских культурно-массовых мероприятий, направленных на возрождение культурных традиций. Понадобятся диссертационные материалы и при дальнейшей разработке истории СССР периода Оттепели, при написании обобщающих исследований по социальной антропологии, антропологии повседневности, женской истории, анализе социальной коллективной памяти, в локальных исторических исследованиях. Выводы могут иметь значение в контексте социального проектирования и реализации стратегических задач в сфере исторической и культурной политики Российской Федерации в предстоящий период.

Объект исследования – женское население «новых» городов европейской и азиатской частей Союза Советских Социалистических Республик в 1950-1960-е годы.

Предмет исследования – социальные практики и динамика социокультурных перемен в повседневности жительниц новых городов, построенных в 1950-1960-е гг. В многогранном историко-антропологическом исследовании особых лет советской истории – так называемого периода «хрущевской Оттепели» – фокус исследовательского вопроса будет сосредоточен на структурах социальной памяти женщин, прибывших в новые города и запомнивших свой (или своих матерей) быт в условиях формирующегося городского пространства.

Хронологические рамки охватывают период с начала 1950-х до конца 1960-х гг., вобрав в себя самый яркий период массового основания новых городов и создания городских районов в СССР, вписанный в контекст перемен в общественно-политической жизни страны (ведь именно они обусловили трансформации в женской повседневности и социально-бытовых практиках). **Нижняя граница – начало 1950-х гг.** – совпадает со стартом массового комсомольского призыва советских юношей и девушек (и переломного момента в жизни решившихся уехать из родительского дома)

на строительство новых предприятий и городов при них¹² в рамках пятого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1951-1955 гг.). Отличительная черта пятой пятилетки – уже не восстановление разрушенной войной экономики, а «дальнейший подъём всех отраслей народного хозяйства, повышение материального благосостояния и культурного уровня народа»¹³. Она дала старт развитию советской экономики на последующие пятилетки, положив начало развитию новых отраслей промышленности (нефтехимия, гидроэнергетика) и науки, которые требовали освоения новых пространств и создания социальной и жилой инфраструктуры для размещения трудовых ресурсов, приезд молодежи по комсомольским путевкам. **Верхняя граница – конец 1960-х гг.**, обусловлена принятием Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года, повлекшим ряд ценностных перемен в жизни советских женщин (во многом как возврат к демократическим принципам законодательного регулирования института брака 1920-х гг.)¹⁴. Это совпало со сменой политического и социально-экономического курса в стране, окончанием периода экспериментов, началом нового этапа социокультурного развития и завершением формирования социокультурного пространства новых городов и городских районов (создание полноценной жилой, социально-бытовой инфраструктуры).

Отрезок времени, избранный для изучения, охватывает три условных периода общественно-политических перемен: окончание сталинизма (начало 1950-х гг.), период хрущевских реформ (начало 1950-х – середина 1960-х гг.), начало брежневской стабильности (с середины 1960-х гг.). На эти 18 лет приходится период политической Оттепели – политического и культурного обновления, поворота власти «лицом к человеку», оказавших значительное влияние на общественное сознание и повседневную жизнь.

Территориальные рамки охватывают ряд макрорегионов РСФСР, в которых создавались в 1950-60-е гг. новые города. В число новых городов были выбраны те, которые наиболее полно раскрывали бы обоснованную выборку (обоснование раскрыто в соответствующем подразделе введения данной работы), а также географические охваты их расположения, имевшие свои локальные особенности. Выбранные для исследования объекты находятся в тех макрорегионах РСФСР, которые позволяют наиболее полно представить локализацию новых городов на российской территории. В их числе: Дубна, Жуковский (Центральная часть РСФСР); Жигулевск, Салават, Октябрьский (Поволжье); правобережная часть Магнитогорска (Урал); омский Городок Нефтяников, новосибирский Академгородок (Западная Сибирь) и Ангарск (Восточная Сибирь).

Цель диссертации – комплексное исследование повседневной жизни жительниц «новых городов» СССР в 1950-1960-е годы, необходимое для глубокого анализа трансформаций социального опыта и культурных смыслов бытовых перемен, коснувшихся всех сторон обыденной жизни по меньшей мере половины населения страны – их вещей, одежды, питания, форм поведения и общения, внутрисемейных отношений, воспитательных практик и т.д.

¹² Товарищ Комсомол. Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. 1918-1968. В 2-х т. М.: Молодая гвардия, 1969. Т. 2. С. 88.

¹³ Материалы XIX съезда ВКП(б)-КПСС // Правда. 1952 г. № 233.

¹⁴ Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР (вместе с «Кодексом о браке и семье РСФСР»): закон РСФСР от 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1397.

Для достижения заявленной цели сформулированы следующие конкретные задачи:

1) Методологически обосновать междисциплинарную исследовательскую модель научной реконструкции женской повседневности на примере нового советского города в 1950-1960-е гг.

2) Разработать категориальный аппарат, необходимый для исследования, определить основные дефиниции: советская женская городская повседневность, новый советский город, женская социальная память и др

3) Критически оценить отечественную и зарубежную историографию изучения женской городской повседневности в СССР, выявить эволюции подходов, применяемых к рассмотрению социальных противоречий советской женской повседневности и быта, сформулировать собственную периодизацию основных этапов развития историографии темы.

4) Охарактеризовать социокультурный ландшафт нового советского города как пространства женской повседневности.

5) Выявить эволюцию среды городской и домашней (квартира) повседневности при строительстве новых городов и городских районов.

6) Изучить эволюцию жилищных условий в новых рабочих городах и городских районах 1950-1960-х гг., оказывавших влияние на повседневную жизнь женщин в рабочих городах.

7) Проанализировать женскую повседневность в новых наукоградах середины XX века с целью выявления особенностей и наиболее характерных черт бытовой и культурной жизни представительниц советской интеллектуальной среды.

8) Найти способ обнаружить динамику социокультурных перемен в женской повседневной жизни нового советского города в 1950-60-е гг.

9) Исследовать особенности женской социальной памяти жительниц новых советских городов середины XX века.

Методологические основы исследования

Предлагаемое междисциплинарное исследование выполнено на основе историко-генетического, историко-сравнительного, системного методов исторической науки, с применением современных подходов, характерных для антропологического поворота в гуманитарном знании (гендерный подход, история повседневности, новая локальная история, устная история).

В основу исследования положен **принцип междисциплинарности**, позволивший при анализе источников объединить теоретические основы нескольких областей научного знания: женской истории, истории повседневности, исторической урбанистики, социальной истории.

Большое значение в исследовании имеет **социально-конструктивистский подход**, освоение идей П.Бергера, Т.Лукмана, Т.Парсонса и Р.Бейлса, И.Гоффмана, Г.Гарфинкеля. Согласно апологетам социального конструктивизма, женские социальные роли не являются предопределенными биологической природой или естественной данностью, а являются следствием соответствующих общественных ожиданий в отношении женщин. В предлагаемой работе социально-конструктивистский подход позволяет рассматривать женскую городскую повседневность в СССР середины XX века не как реальность, формируемую не только нормативами, распоряжениями, получаемыми «сверху», но возникающую из

множества инвариантов, рожденных конкретными акторами по всей стране, прежде всего женщинами, горожанками, поставленными в определенные жизненные условия.

Важную роль в теоретико-методологических основах работы сыграло применение **подходов исторической** (Ле Гофф, Х.Медик), **социальной** (М.Мосс), **культурной** (М.Мид), **городской** (Л.Вирт) **антропологии к изучению бытовых практик**. Данные подходы позволяют обращать внимание не столько на процессы изменений обыденного, сколько на отдельных людей, концентрироваться на их переживаниях, образе мыслей, чувств, выявлять при этом глубинные социальные практики, общественные трансформации и локальные культурно-исторические процессы. Отдельно отметим подход, связанный с городской антропологией, о нем пойдет речь ниже при характеристике основных используемых концептах.

Смежными с перечисленными можно назвать **подходы женской истории и антропологии повседневности**. Этапы развития данного направления в общемировой и российской исторической науке подробнее рассмотрены в параграфе 1.3. Здесь же отметим, что преломление истории повседневности сквозь фокус полодетерминированного подхода позволяет исследовать совокупность каждодневных, повторяющихся социальных и бытовых практик женской части населения советского города, рассматривая при этом весь эмоционально-чувственный контекст повседневной жизни, социокультурную динамику, жизненные стратегии и пространство среды как часть Характерные для женщин специфические формы личностного переживания опыта, рождают, по мнению ведущих российских этнографов, особый тип понимания как социальных процессов прошлого, так и современной прогностики¹⁵. В антропологическом измерении каждодневные бытовые практики раскрывают ту область, которая относится к естественному и бессознательному поведению, ведут к глубинному пониманию общенационального характера через черты женского ежедневного домашнего и профессионального быта¹⁶.

В работе использован **метод натурального обследования** городской среды, в которой реализовывались практики повседневной жизни женщин новых городов СССР в 1950-60-е гг. Анализ городского пространства (эволюционировавшего под влиянием времени и общественных трансформаций) позволял выявить основные социокультурные координаторы женской повседневности. Применение данного метода сопровождалось фотофиксацией, а также сопоставлением фотографий среды современного города с архивными фотоснимками периода формирования этой городской среды в середине XX века.

Методы **устной истории** стали одними из ведущих на этапе формирования основной источниковой базы работы. Для нее был собран значительный комплекс устных воспоминаний женщин, проживавших в новых городах СССР, строившихся в 1950-1960-е гг. Глубинные интервью подразумевали не только фиксацию определенных фактов из устного рассказа респонденток согласно заданным вопросам, но и полноценную реконструкцию биографии рассказчиц, наблюдение за их поведением, реакцией на определенные вопросы. Женские эгодокументы предоставили возможность описывать реальную повседневность в условиях строительства новых городов, и связанных с этим бытовых, социальных, морально-

¹⁵ Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии... С. 3.

¹⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб.: Искусство, 1994. С. 72.; Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. С. 11-14.

психологических трудностей и испытаний. Исследовательская позиция автора была ориентирована на «самонаблюдение», «вживание», «сопереживание», а также ведение постоянного «диалога» с «информантами».

Соединение традиционных методов, с помощью которых описывается история локального объекта, с междисциплинарными подходами истории повседневности и современными теориями анализа такого сложного объекта, как город и городская культура, предполагали **формирование условной исследовательской модели, моделирование**. Такая модель (без гендерного фокусирования) впервые была апробирована автором при реконструкции истории советского городского района 1950-1960-х гг.¹⁷, вписавшего историю локального объекта в историю государства и локальных культурно-исторических процессов. Конструкция данной модели предполагает рассмотрение городской среды в качестве пространства женской повседневности и сохранения исторической памяти. Как город, так и женская повседневность, изучались в соотношении идеальной (образцовой, сформулированной на уровне официальной идеологии) и реально существовавшей данности. Для реконструкции первой (идеальной среды и повседневности) основным источником был широкий комплекс нормативных и ненормативных метаданных; для анализа второй (существовавшей в реальности) главный источник – это воспоминания и эгодокументы, рассматривающие город и женскую повседневность в пространстве исторической памяти. Апробация сконструированной нами модели – путь к доказательству уникальности категории «женская повседневность нового города», ее отличий в контексте формирования новой (образцовой) городской среды от аналогичной повседневности других советских городов того же периода.

В данной работе эта модель релевантна использованию материалов устной истории: собранных автором воспоминаний рядовых советских горожанок, проживавших в новых городах СССР, построенных в 1950-60-е гг. Это позволит соотнести социальные ожидания женщин и тот архитектурно-планировочный ландшафт, который был положен в основу новых городов и городских районов, проанализировать материальную среду городского культурного пространства.

Главным фактором обоснования выборки городов для анализа послужила степень влияния исторически сложившейся городской среды на новое городское пространство: ее отсутствие для «новых» городов, наличие дореволюционной и советской среды для «новых» городским районов. По этому принципу были выбраны новые города, основанные на рубеже 1940-1950-х гг. (Салават, Октябрьский, Ангарск, Жигулевск), новые районы советских городов, основанных в период индустриализации первых пятилеток (Магнитогорск), а также новые районы городов, основанных до революции 1917 года (Городок Нефтяников в Омске). Условной гипотезой, согласно классификации, становится доказательство различных практик женской повседневности (соответственно, сквозь призму памяти) в городах из разных групп.

Для анализа разных форматов повседневности горожанок, помимо рабочих городов, выбраны «новые» наукограды – Дубна (открытый для иностранцев город физиков-ядерщиков), «авиаград» Жуковский (закрытый город авиационной науки с

¹⁷ Жидченко А.В. Повседневная жизнь в новом городском районе: проблемы формирования городской среды, 1950 - 1960-е гг.: локальный аспект. Дисс... канд. ист. наук. 07.00.07 (Отечественная история). Омск, 2013. 457 с.

мощным военно-техническим сегментом) и новосибирский Академгородок (экспериментальный научный центр в Сибири).

Применение сравнительно-исторического метода к анализу повседневности «новых» рабочих городов и наукоградов обосновало необходимость обоснования пяти основных критериев сопоставления. В их числе: городская среда и жилье (как пространство женской повседневности), быт, снабжение, культурно-досуговые практики и социальная память. Именно они охватывают практики женской повседневной жизни, вписанные в пространство «нового» города, сквозь призму социальной памяти.

Гипотеза. Идеальная (конструируемая провластными идеологами) и реальная (восстановленная по воспоминаниям и широкому кругу источников) модель женской повседневной жизни – категории не одинакового порядка, но насколько велика была дистанция между ними в «новом» советском городе, предстоит выяснить в данном исследовании. Важным фактором, оказывавшем влияние на развитие городской инфраструктуры и повседневные практики, могла стать динамика социокультурных перемен. Следовательно, рабочей гипотезой становится подтверждение (или опровержение) дистанции между идеальным и реальным пространством женской повседневности в «новом» советском городе 1950-1960-х гг., а также доказательство (или отрицание) факта зависимости этой дистанции от фактора динамики социокультурных перемен.

В русле данной проблематики лежит целый комплекс смежных вопросов: если в 1950-1960-х гг. трансформировалась не только политическая и культурная жизнь, но и городское пространство, то как изменился быт горожанок, социальное обеспечение и образ жизни? Должны ли были произойти принципиальные изменения в женском индивидуальном и массовом сознании? Урбанизация в форме создания новых советских городов породила новый тип социального опыта, который, эволюционируя, сохранился до наших дней, а сегодня является частью сферы бессознательного представительниц старшего поколения россиянок. Предположительно, он должен быть выявлен при генерализации рассказов, собранных в разных городах СССР, в женских устных воспоминаниях.

Заявленное междисциплинарное исследование должно дать ответ и на еще один ряд проблемных вопросов. Что смогла выявить в ходе изучения выбранного нами периода зарубежная и отечественная историография? Как на изучение женской городской повседневности повлияли трансформации общественно политического контекста в СССР-России конца XX – начала XXI вв. Каковы основные проблемные точки в оценке советской женской повседневности в работах англо-американских исследовательниц?

В ходе продолжения сделанного предшественниками и расширяя проблемное поле исследования, стоит поставить и новые вопросы. Какова эволюция пространства женской городской повседневности? Какие социокультурные координаты этого городского пространства можно выделить? Каковы отличительные черты пространства повседневной жизни рабочего города и наукограда? В чем особенности жилого пространства женской повседневности? Каковы особенности женской социальной памяти о благоустройстве городского пространства? В чем состояли основные сложности женской повседневности и быта жительниц рабочего города? Каковы причины и социальные противоречия гендерного дисбаланса в профессиональном

поле наукоградов? В чем основные отличия женской повседневности новых рабочих городов и наукоградов в середине XX века?

Новизна исследования

До сегодняшнего дня в отечественной историографии не было исследований бытовых практик периода Оттепели; нет и специальных публикаций, в которых бы особое внимание обращалось на женский быт. Поэтому предпринимаемая попытка изучить женскую повседневность в 1950-60-е гг. станет способом понять, что объединяет в одно поколение женщин, рожденных в довоенное время и сформировавшихся как личности в годы Оттепели; каков был круг их устремлений, интересов, обязанностей, увлечений? Эти темы не изучались ранее.

В отечественной историографии предлагаемое исследование тогда может стать одним из первых, посвященных женской повседневности сквозь призму воспоминаний обычных горожанок, их коллективной социальной памяти. Методологически автор разделяет приверженность исследователей женской истории, полагающих именно женщин ключевыми информаторами о бытовой стороне современной жизни. Такой подход предполагает также особую степень ответственности аналитика перед респондентками, заставляя проявлять больший вес индивидуального участия в момент фиксации пережитого, большей эмпатии¹⁸.

Положения, выносимые на защиту:

1. Зарубежные и отечественные исследователи внесли немалый вклад в изучение 1950-1960-х гг. в советской истории, но уделили мало специального внимания изучению быта и повседневности советских женщин в рассматриваемое время, не выделили эту исследовательскую тему как особую и требующую специального рассмотрения с привлечением нового круга источников. Ранее комплексной междисциплинарной модели изучения повседневного образа жизни советских горожанок создано не было. Обоснование и апробация этой модели на материалах «нового» советского города – продолжение и обобщение направлений теоретико-методологического поиска, начатого предшественниками.

2. Уникальность новых городов и городских районов в СССР, созданных в 1950-1960-е гг. состоит в том, что их проектирование и строительство пришлось на время общественных трансформаций и поиска новых моделей жизни советского общества. На волне идеологического поиска идеальной модели повседневности для мужчин и женщин, новых форм жилья и организации образцового городского пространства, динамично формировалась новая модель повседневности советской горожанки.

3. Одним из основных факторов динамики социокультурных перемен в женских повседневных практиках «нового» города становились изменения жилищных условий: женские домашние пространства эволюционировали от бараков (временная форма жилья в «новом» городе) и комнат в коммунальных квартирах (следующая форма временного жилья в «новых» советских городах) к жизни в отдельном жилье периода массового жилищного строительства.

4. Перемены в женской повседневной жизни в новых городах с начала 1950-х до середины 1960-х гг. находились в тесной зависимости от комплекса внешних

¹⁸ Пушкарева Н.Л. Об эмпатии в антропологии... С. 9.

факторов: изменения глобального контекста (экономические и политические трансформации), локального контекста: эволюции городской среды: созданием культурно-бытовых учреждений, жилищным строительством, формированием социальной и коммунальной инфраструктуры, налаживанием работы учреждений здравоохранения, в том числе родильных домов и т.д. Глубокий анализ автобиографических интервью позволяет зафиксировать эволюцию женской повседневности с позиции не только внешних бытовых практик, но и фундаментальных ценностных изменений.

5. Женская социальная память о повседневной жизни в новых городах 1950-1960-х гг. трансформировалась под влиянием дальнейших событий советской и российской истории на протяжении более, чем полувека. Ныне в ней ощутимо влияние «ностальгии по советскому», во многом идеализирующее многие аспекты жизни полувековой давности. Эта «совностальгия» позволяет выявить события и факты, вызывающие наиболее острые реактивные состояния, обнаружить самые большие из ценностных потерь (иное понимание дружбы, взаимопомощи, справедливости) и те негативные черты советской действительности, с которыми вспоминающие рады были расстаться навсегда (гендерного дисбаланса, аскетичного быта, неравномерности распределения социальных благ и т.д.).

6. Историческая городская среда оказывала влияние на женскую повседневность нового городского пространства и задавала иные координаты повседневной жизни и быта. Полностью «новый» город 1950-1960-х гг. создавал более благоприятные условия для «идеальной» модели женской повседневности, в отличие от новых районов городов с исторической застройкой (дореволюционной или советской довоенной).

7. Динамика перемен в женской повседневности была продиктована особым порядком социально-половых взаимодействий индивидов и власти (этакратическим гендерным порядком)¹⁹. Навязанные сверху модели женского поведения, подходы к профессиональным и социальным ролям (работница, жена, мама, хозяйка) определяли основные особенности повседневных практик и стратегий поведения и отразились в коллективной памяти. Социокультурные перемены, касавшиеся женского быта, находились под постоянным контролем государства и могли иметь лишь локальные инварианты большей или меньшей зависимости женских судеб от принимаемых в центре нормативных актов.

8. Гендерный дисбаланс в быту и в профессиональной сфере (как в рабочих городах, так и в наукоградах), несмотря на ломку традиционных патриархальных моделей, сохранился и в «новых» советских городах. Однако его восприятие в женской социальной памяти как данность становится частью современной коммеморации, продиктованной общей идеализацией «времени ожиданий» и отсутствием опыта других моделей брачно-семейных отношений.

9. Новые советские города становились гомогенными по своему составу. Этническая, социальная, культурная, образовательная идентичности в женской повседневности уступали место объединяющей «советской идентичности».

¹⁹ Пушкарева Н.Л. Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. 2012. С. 8-24

10. Женская повседневность нового рабочего города 1950-60-х гг. отличалась суровыми условиями труда и быта, большой ролью традиционных семейных ценностей, унаследованными от патриархального деревенского уклада нормами поведения, способностью женщин к самостоятельному выстраиванию стратегий выживания (собственного и семейного).

11. Отличительными чертами женской повседневности наукоградов середины XX века были: более обеспеченный и стабильный быт, иная творческая и культурная среда, возможность не задумываться о стратегиях выживания и вести планирование собственных жизней, судеб детей. Именно эти признаки советской элитарности, потерянные в постсоветский период, привели к острым кризисам корпоративной культуры и женской социальной памяти: стали фактором усиленной идеализации повседневности 1950-1960-х гг.

12. Исследование воспоминаний двух поколений жительниц «новых» советских городов 1950-1960-х гг., возможно, позволит выявить передачу по женской линии практик повседневного быта, основ воспитания детей, часть наследия семейной биографии, что в конечном итоге, позволит говорить о женской социальной памяти как факторе укрепления традиционных ценностей, а в более глобальном контексте – как о факторе социального оптимизма российской нации.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается положенными в его основу методологическими принципами, использованием совокупности методологических подходов и приемов, соответствующих задачам и цели исследования, репрезентативностью источниковой базы исследования, вобравшей и опубликованные материалы, и архивные (впервые вводимые в научный оборот, включившие документы 3 федеральных архивов (9 фондов) и 4 региональных архивов (27 фондов)), и собранные в ходе подготовки исследования тексты глубинных биографических интервью.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования нашли отражение в более чем 150 печатных публикациях автора – двух монографиях (в т.ч. одной в соавторстве), а также десятках статей, общим совокупным объемом более 70 п.л.

Часть положений и выводов диссертации представлены в авторской монографии «История моего города: историко-культурное пространство новых городов и городских районов России середины XX века»²⁰ и книге «История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950-60-е гг.»²¹, но главным образом - в **34 публикациях** (из них – 13 статей, индексированных в международных реферативных базах и системах цитирования Scopus и Web of Science (Q1 и Q2), **рекомендованных ВАК РФ** для защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук.

Апробацию результатов исследования обеспечило участие автора в проектных коллективах, выполнявших работу, поддержанную РФФИ и РНФ. (Проекты РНФ № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)», № 16-01-00136

²⁰ Жидченко А.В. История моего города: историко-культурное пространство новых городов и городских районов России середины XX века. Омск: Амфора. 2016. 404 с.

²¹ Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950-60-е гг. Омск: Амфора. 2013. 444 с.

«Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI–XXI вв.»).

В течение более, чем пятнадцати лет (с 2008 года) ежегодно автор озвучивал промежуточные результаты работы на профильных международных конференциях Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), Шанявских чтениях в РГГУ, конференциях по истории российской повседневности ЛГУ им. А.С.Пушкина – в общей сложности на 28 международных и 45 российских ведущих научных мероприятиях, посвященных различным проблемам этнологии, исторической антропологии, городской антропологии, истории повседневности, женской и гендерной истории, исторической культурологии, теории и истории культуры, историографии и источниковедения. Результаты работы, связанной с исследованием городского культурно-исторического пространства, опубликованы в коллективной монографии «Открытый город: подходы, критерии, практики» (2017 г.).

Представленное диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности **5.6.4. Этнология, антропология и этнография**, в частности, пунктам 9 (Гендерные исследования) и 14 (городская антропология), 21 (Историческая антропология).

Структура исследования.

Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения, списка использованных источников, списка литературы и приложений, включающих перечень докладов, сделанных на международных и общероссийских конференциях, образцы глубинных интервью с респондентками.

Последовательность изложения определялась логикой исследования.

В 1 главе обобщены результаты исследований выбранного периода советской женской истории, сделанные российскими и зарубежными учеными, изложены теоретические и методологические вопросы, связанные с изучением категорий *новый советский город, городская среда, история повседневности, женская повседневность* и др. Глава 2 включает в себя анализ идеальной модели женской повседневности, реконструируемой на основе нормативных и ненормативных источников. Глава 3 посвящена женской повседневности в новых рабочих городах, Глава 4 – женскому быту и повседневности в наукоградах. Закрывают диссертационное исследование списки источников (опубликованных, сформированных автором личного архива воспоминаний, а также архивных фондов) и литературы.

Структура работы обусловлена задачами исследования.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, цель и задачи исследования; проанализированы методология и методы работы; раскрыта научная новизна диссертации; дана характеристика источниковой базы; выявлена научная и практическая значимость диссертации; приведены сведения об апробации результатов диссертационного исследования, раскрыта структура работы.

В первой главе «Историография женской городской повседневности середины XX века. Основные концепты и исследовательские понятия» рассматриваются основные составляющие междисциплинарной исследовательской модели данного исследования, а также необходимого, для данной модели

категориального аппарата. Во 2 и 3 параграфе главы сформулированы и проанализированы основные этапы изучения проблемы в российской и зарубежной научной мысли сквозь призму определенного общественно-политического контекста соответствующего периода.

В первом параграфе первой главы (1.1) «Основные концепты исследовательской модели повседневной жизни нового советского города в 1950-60-е гг.» представлен анализ историографии, теоретико-методологические подходы, и даны конструктивные определения основных концептов и направлений междисциплинарной исследовательской модели: новый город, городское пространство, рабочий город, наукоград, антропология повседневности, женская повседневность, социальная (историческая, коллективная) память и проблемы ее изучения, динамика социокультурных перемен.

Особенность женской повседневности 1950-60-х гг. рассматривается как жизнь в новом городе, строившемся в этот период (в процессе формирования образцовой городской среды). В ходе создания городского пространства (строительства жилья, инфраструктуры соцкультбыта, благоустройства) трансформировалась женская повседневность: изменялись жилищные условия, удовлетворение потребностей самой женщины, семьи и детей, формировались новые практики повседневной жизни: труда, досуга, быта, питания, воспитания, здравоохранения и т.д. Это нашло отражение в общей динамике социокультурных перемен, а также в женской социальной памяти.

Во втором параграфе первой главы (1.2.) «Отечественная историография женской повседневной жизни в советском городе 1950-60-х гг.» предложена периодизация изучения темы исследования и выявлены причины основных трансформаций в историографической мысли советских и российских ученых по данной теме.

Заявленная тема сквозь призму социальной памяти прошла несколько этапов своего становления: от строгого умалчивания в период брежневского застоя до детального описания проблем и бытовых практик на отдельных локальных примерах с применением широкого круга эгодокументов на современном этапе. Однако «хождение вокруг да около» этой темы заставляет нас упоминать десятки работ о повседневности, о семейных проблемах, о социальной памяти (Н.Н. Козлова, Н.Б. Лебина и др.), которые лишь по касательной затрагивают судьбы обычной женщины, однако не поднимают основные проблемные поля непарадной стороны их жизни и непростой стратегии выбора.

В отечественной историографии проанализированные работы представляют лишь отдельные разрозненные научные труды, которые сосредотачивались на одном-двух слагаемых интересующей нас исследовательской темы: город, женщина, повседневность, оттепель, память. Комплексное изучение данной проблемы сейчас является ключевой задачей историков, этнологов и антропологов, занимающихся тематикой женской истории и повседневности XX века.

В отличие от многочисленных, изданных в последнее время научных и научно-популярных работ, посвященных советской истории, повседневности, моде, образу жизни, предлагаемая работа относится к анализу глубинных основ повседневной жизни советского общества сквозь призму женской повседневности и социальной памяти.

В третьем параграфе первой главы (1.3.) «Зарубежная историография повседневной жизни советских горожанок середины XX века» впервые предложена периодизация изучения, а также дан комплексный анализ проблематизации англо-американских исследований данной темы.

Англоязычная историография женской повседневности периода оттепели стала первооткрывательницей критического отношения к этой странице советской женской истории. Она долгое время не выделяла эту тему как самостоятельную, но в итоге внесла немалый вклад в ее изучение. Оценки происходившего в стране, якобы строившей коммунизм, сильно зависели от идеологии и от политической конъюнктуры; потому с перестройкой и попытками преодолеть отчуждение государств изменился и градус критичности. Отличия в стремлениях жительниц СССР от мечтаний англичанок и американок, настойчивость идеологов, полагавших, что в СССР женский вопрос давно решен, – ничто не ускользало от пристального взгляда зарубежных советологов.

Они традиционно сосредотачивали свое внимание на женских локусах повседневной жизни женщин за пределами СССР – квартире, кухне, магазине. Поэтому из поля их зрения почти выпала тема женского труда в СССР тех лет, статистика затрат рабочего времени женщин, которые наравне с мужчинами трудились на сложных технических производствах, строили дороги и мосты, плавил металл, преподавали в вузах, дежурили на нефтяных вышках. Зато эту практически незнакомую американским домохозяйкам 1960-х годов часть женской повседневности изо всех сил воспевали в Советском Союзе – в газетных статьях, художественных произведениях, песнях, кино; не была исключением и сфера науки. Акценты англоязычных исследователей, степень их интереса разным сферам женских жизней на протяжении полувека не раз менялись. Если до начала 1990-х гг. в центре внимания были вопросы потребления, то в последние годы акцент сместился на сторону «женского мира» – тех уголков «женской свободы», в которых женщины могли следовать моде, вырабатывать собственные нормы жизни даже на шестиметровых кухнях в «хрущобах»²². По мнению большинства авторов, массовое жилищное строительство и обретение каждой семьей отдельной квартиры приблизило женщин к западному идеалу повседневности.

Во второй главе «Образцовая (желаемая) модель женской повседневности 1950-1960-х гг.» реконструирована идеальная (образцовая) модель нового советского города, (а также жилища) в качестве пространства женской повседневной жизни на основе комплекса исторических источников: законодательных актов, делопроизводственной документации и периодической печати.

В первом параграфе второй главы (2.1.) «Образцовая модель городского пространства в нормативных документах 1950-1960-х гг. (город, городской район, улица)» дан комплексный анализ официального дискурса середины 1950-х – середины 1960-х гг. руководящих органов партии и правительства СССР по созданию новой модели городской среды и направлений подходящей ей повседневной жизни.

В вопросах создания новых городов, как промышленных и научных центров, градостроительство СССР в период с начала 1950-х по конец 1960-х гг. прошло через

²² Ilić M., Reid S., Attwood L. Women in the Khrushchev era. Basingstoke (Hampshire). N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 254 p.; Reid S. Khrushchev Modern. Agency and modernization in the Soviet home // Cahiers du monde russe. 2006. V. 1.47. P. 227-268.

три крупных этапа. Решение жилищной проблемы быстрыми мерами – строительство бараков, деревянных временных зданий для учреждений и социальной инфраструктуры на первом этапе (рубеж 1940-х – первая половина 1950-х гг.). Реализация генпланов новых городов в формате квартальной застройки по индивидуальным проектам в стиле позднего сталинского ампира на условном втором этапе (середина – конец 1950-х гг.). Строительство городов по типовым проектам микрорайонной планировки (1960-е гг.).

Трансформации в женской повседневности произошли после жилищной реформы середины 1950-х гг. Именно в этот период в новых городах СССР (которые строились с начала 1950-х) уже была создана социальная инфраструктура: дворец культуры, баня, прачечная, магазины, больничный городок. Основными социокультурными координатами женской повседневности стали: работа, дом, ясли (детский сад) и школа (для семейных), магазин, поликлиника, и достаточно редко, в период досуга, – парк, дом культуры, кинотеатр и др. Отдельным ярким элементом пространства небудничной повседневности советской женщины становился родильный дом, с которым связаны самые детальные воспоминания старожилок.

Соблюдая ленинский принцип коллективизма, закрепленный в новом «Моральном кодексе строителя коммунизма», в новых городах СССР женщины играли большую роль в организационных и культурных процессах: объединялись в женские комитеты, следили за порядком, участвовали в благоустройстве и озеленении городского пространства. Последний вид деятельности нашел отражение в коллективной женской памяти (что подтверждает факт соцсоревнования между Ленинградом и Омском 1959 г. по созданию города-сада), в которое большой вклад внесли жительницы новых районов двух крупных городов.

Во втором параграфе второй главы (2.2.) «Образцовая модель женского домашнего пространства (квартира, жилище, мебель)» проведена реконструкция идеальной модели женского городского быта и повседневности в СССР, но в отличие от предыдущей главы, на широком круге ненормативных источников (публикаций в периодической печати, воспоминаний и др.), акцент был смещен с города и городской среды на быт и жилье.

Жилище как пространство женской повседневности, подобно процессам формирования городской среды, прошло через три этапа эволюции: комнаты в бараках и временках с полудеревенским бытом, комнаты в коммунальных квартирах капитальных домов и отдельные квартиры периода массового жилищного строительства.

Пространство советского жилья в новых провинциальных городах практически полностью лишало женщину приватности, которому не находилось места ни в коммунистическом (идеальном) образе жизни, ни в реальной повседневности. Комнаты в бараках и коммуналках предоставляли советским женщинам лишь условные места хранения вещей, реализации гендерных семейных обязанностей и бытовых практик, но не осуществления своих бессознательных желаний, обретения чувства свободы и т.д. Даже отдельные квартиры в хрущевках в условиях смежной планировки комнат задавали советским женщинам условия и тон жизни с ограничениями, как пространственными, так и гендерными.

Несмотря на унификацию нестоличной повседневности в СССР, убранство дома и женский жилищный быт в каждой семье были различными: от аскетичного

интерьера с самодельной мебелью и имитацией обоев при помощи краски, до квартир с бытовой техникой и дефицитными предметами домашнего обихода. Эта дистанция между реальной и идеальной моделями повседневности наиболее ярко прослеживается в анализе отраслевой литературы – энциклопедии домашнего хозяйства и требованиям к художникам-декораторам к новому социалистическому быту.

Минимизация площади кухни решала сразу несколько важных вопросов идеологического характера: экономия средств на капитальное строительство, облегчение женского домашнего быта (как призыв не готовить на кухне, а пользоваться кулинарией, столовыми и фабриками-кухнями), освобождение времени женщин для производственной сферы и самореализации. Остальные пространства советской квартиры в 1950-60-е гг. были подчинены общему ритму рабочей жизни семьи.

В третьем параграфе второй главы (2.3.) «Образцовая модель женской советской городской повседневности (профессиональная занятость, домашняя и общественная работа)» проведен анализ основных направлений идеальной модели женской повседневности с позиций идеологически ангажированных источников (главным образом, периодической печати).

Привлекая внимание к реальным проблемам советских женщин, периодическая печать внушала оптимизм и надежду на будущее, образы которого порождались как примерами семей-новоселов, так и контрастами с дореволюционным прошлым, биографиями деятельниц революционного движения, портретами передовиц производства, ударниц труда, женщин-депутатов Верховного Совета СССР, а также фельетонами со счастливым финалом.

Город на страницах периодической печати, должен был создавать условия для облегчения женского быта. Реальные истории жительниц образцовых советских городов (Ангарск, Магнитогорск и др.) сопровождалось описанием социальной инфраструктуры: универмагов, прачечных, кулинарий и т.д.

В этот же период в США, как стране, с которой СССР состоял в неформальном соревновании за качество жизни населения, эволюция жилья развивалась по иному пути. Отсутствие необходимости женщинам работать высвобождало большие лимиты времени на домашнее хозяйство. Именно поэтому в новых домах американских пригородов в середине XX века большое пространство занимала именно кухня, а также имелась отдельная комната прачечная. С одной стороны, это колоссальный разрыв между даже идеальной моделью советской повседневности в пространстве жилья, и реальной картиной жизни американских женщин. С другой стороны, возможность работы и самореализации женщин в советских городах, их ответственность за приобретение продуктов, домашнее хозяйство и быт, создавали ряд важных преимуществ. Однако, гендерный дисбаланс в профессиональной сфере, анализу которого будут посвящены отдельные аспекты в главах 3 и 4 данного диссертационного исследования, во многом сводил на нет эти социальные завоевания и декларируемую свободу, закрепощая советскую горожанку в замкнутом круге: работа-дом-работа.

В третьей главе «Женская городская повседневность нового рабочего города и городского района 1950-60-х гг. сквозь призму социальной памяти» проведена

комплексная реконструкция женской повседневности нового рабочего города в условиях формирования городской среды.

Государственная социальная политика СССР в 1950-60-е гг. была призвана обеспечить население рабочими местами на крупных предприятиях, а вместе с тем, рабочих – доступным жильем, развитой инфраструктурой соцкультбыта в новых городах. При этом рабочий класс рассматривался в идеологическом ключе без гендерной идентификации – и мужчины, и женщины в условиях строительства социализма, были призваны трудиться на благо общества и «светлого будущего» одинаково самоотверженно. В контексте официальной риторики подобное равноправие показывалось как социальное завоевание, достижение и прорыв СССР в мировом гендерном порядке (как наследие революционных идей).

Исследование женской повседневности нового рабочего города в СССР позволяет выявить дистанцию между идеальной и реальной моделями жизни женщин в условиях формирующегося городского пространства. Среди основных факторов, определявших женскую повседневность в подобных городах: тяжелые условия быта (которые не замечались официальной пропагандистской машиной), патриархальная модель семейных отношений (главенство супруга в принятии решений, относительная вседозволенность), высокая степень ответственности за обеспечение потребностей семьи (жилье, продукты питания, ясли и детские сады для детей и т.д.), совмещение женщинами нескольких, требующих высокой самоотдачи, социальных ролей (труженица, хозяйка, мать, жена) и др.

В контексте социальной памяти двух поколений женщин (приехавших на строительство нового города в самодеятельном возрасте и родившихся здесь их дочерей) прослеживается динамика социокультурных перемен (в общеисторическом контексте от сталинизма к оттепели и «застою», в локальном контексте – в создании городской социально-бытовой инфраструктуры и др.). Обещанные нефтяникам, гидроэнергетикам (как ударникам новых отраслей) или металлургам (отрасль довоенной индустриализации) социальные блага (в виде жилья, «спецснабжения» и обилия товаров повседневного спроса, бытовой техники) в новых городах СССР становились теми самыми заветными целями, ради которых женщинам приходилось много лет работать на износ, жертвуя здоровьем, молодостью, красотой, свободой и своими потребностями (например, общением с детьми, которые отправлялись в круглосуточные ясли из-за ночных смен родителей). Однако, задекларированная на официальном уровне модель строительства коммунистического общества предполагала их самоотдачу ради лучшей жизни следующего поколения – своих детей.

В первом параграфе третьей главы (3.1.) «Повседневность жительниц нового района города с дореволюционной историей» проанализирована женская повседневность на примере нового городского района крупного советского города с дореволюционной историей (омский Городок Нефтяников).

Женская повседневность нового рабочего района крупного сибирского города – классический пример модели жизни женщин в условиях формирующегося городского пространства. С одной стороны, молодые девушки, прибывшие по комсомольским путевкам на стройку пятилетки, полные надежд и оптимизма, выдерживали трудности жизни в бараках, отсутствия товаров и услуг, этакратического гендерного порядка со стороны государства и недостатков советской плановой экономики. С другой стороны, здесь формировалась корпоративная культура (морально-ценностные установки

нефтяников в женской социальной памяти отличались от установок тех же семей строителей), уникальный коллективистский дух и общая ответственность за жизнь и благополучие своего района (созданного буквально собственными руками).

Анализ эволюции повседневных практик в омском Городке Нефтяников в наиболее полной степени отражает динамику социокультурных перемен: изменения в женской повседневности в связи с созданием в городском районе социально-бытовой инфраструктуры.

Во втором параграфе третьей главы (3.2.) «Повседневность жительниц района города, возникшего после революции» проведена научная реконструкция женской повседневной жизни нового района крупного советского города, основанного в годы довоенной индустриализации (Правобережный район г. Магнитогорска).

Крупнейший индустриальный гигант у Горы Магнитной дал возможность преодолеть нехватку сравнительного материала о повседневности в орденоносном городе довоенных пятилеток. Столкнувшись с парадоксальной ситуацией, когда эмоции и чувства, имевшие на протяжении веков заметное место в культурной истории, сами оставались без истории, удалось почувствовать отношение самих женщин к тому, что случалось в их жизни и в то же время сравнивать слабые отражения их реальных трудностей в прессе и нормативных документах того времени.

Проблематизация параграфа основана на разнородном эмпирическом материале – опубликованных воспоминаниях современниц, их устных историях, материалах периодической печати, забытых произведениях художественной литературы, визуальных источниках. Основным исследовательским локусом выбран Магнитогорск как пример нестоличного крупного индустриального центра, возникшего еще до войны, в котором и после победы сохранялся демографический гендерный дисбаланс. Проанализировав особенности женского вклада в формирование нового образа города, автор дополнил картину стилей жизни горожанок, показав несколько социальных типажей, менявших облик индустриального гиганта: архитекторов, домохозяек, активисток-общественниц, работниц металлургического комбината. Собранный материал доказывает успешность новой социальной политики, выразившей инновационный транзит Советского государства от жестких методов управления 1930-х - начала 1950-х гг. к советскому демократизму, признанию значимости частной жизни, в том числе советской женщины. Обращение к теме советской женской повседневности полувековой давности вскрыло ряд проблем гендерного неравенства, обнажило черты трудностей организации повседневного женского домашнего (семейного) и производственного быта, доказав значимость гендерной антропологии как подхода, расширяющего возможности анализировать социальный идеализм и надежды времен политической оттепели, видоизменения ценностно-нормативных структур советского мышления, социального облика строительниц социализма.

В третьем параграфе третьей главы (3.3.) «Особенности женской повседневности в центрах послевоенной индустриализации» исследована женская повседневность трех новых городов нефтехимической отрасли, основанных на этапе послевоенной индустриализации в СССР: Ангарска (Иркутская обл.); Салавата и Октябрьского (Башкирская АССР).

Повседневность Ангарска была частью советской повседневности, в которой образ жизни, мышления, поведения задавался общими идеологическими задачами воспитания новых советских людей, строящих коммунизм. Их эксплуатируемый

ежедневно и умело канализированный энтузиазм дал свои плоды: в Сибири возник город, жительницы которого страстно хотели, чтобы их считали «таежными ленинградками». Молодые комсомолки приезжали на стройки, вкладывали свои силы и надежды в дело создания образцовой жизни в Сибири, создавали семьи, навсегда оседая в городе, благоустроенном их руками. Все это развертывалось в условиях городского ландшафта, в котором архитекторы «второй столицы» воплощали собственные мечты о прекрасном образцовом социалистическом городе, похожем на Ленинград.

Описание бытовых условий жизни семьдесят лет тому назад поколением, которое пережило войну и помнит появление новых советских городов в годы восстановления разрушенного войной хозяйства, – важная часть общей исторической памяти, которую незаслуженно маргинализировали, считали второстепенной, в сравнении с историей достижений и побед. Эти рассказы конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о счастье, по-особому преобразуют общезначимый событийный контент в элементы автобиографической и альтернативной социальной памяти, в которой значимо все позитивное. Собранный материал дает основу и для разработки методологических оснований гендерных исследований социальной памяти с использованием ключевых понятий истории повседневности (запечатлевание бытовых практик, гендерные особенности секвенцирования и фиксации увиденного, принципы генерализации свидетельств индивидуально запомненного) и методов реконструкции прошлого как истории, запечатленной глазами индивида определенного пола, в том числе истории, написанной с позиций женского опыта, применительно к новому предмету исследований – процессам запечатлевания, запоминания и фиксации женщинами разнообразных событий и фактов их жизней в контексте национальной истории.

В четвертом параграфе третьей главы (3.4.) «Локальные противоречия женской повседневности в пространствах рабочих городов и их отражения в женской социальной памяти» выявлены особенности развития женских повседневных и бытовых практик в двух новых локальных городских пространствах – Шлюзового поселка Ставрополя (с 1964 г. Тольятти) и нового города Жигулевска.

Сквозь контекст приукрашенной, наполненной оптимизмом и вдохновленной молодостью и ностальгией, женской социальной памяти, между строк угадывается «недосказанное». Большинству женщин приходилось в те годы очень тяжело, поскольку неустроенность быта, забота в первую очередь о семье и детях, и лишь потом о себе, определенное самопожертвование ради лучшего будущего, накладывали свой отпечаток на женскую повседневность. Спустя десятилетия, в женских воспоминаниях открыто не говорится, однако угадывается легкое разочарование в том, как много усилий женщинам стоило в условиях тяжелых советских трудовых будней удержать своих мужей от отчаяния и алкоголизма, стать для них не только надежным тылом, но и гарантом того самого социального оптимизма, который не только позволил выжить в это непростое время, но и сегодня вспоминать о тех временах, как о лучших в своей жизни.

Образцовый быт, воспетый государственной пропагандой, с цветущими клумбами у подъездов и на балконах, с пышными застольями и яркими нарядами, все

это и многое другое давалась «огромным трудом и при любой погоде»²³ именно усилиями женщин. В двух городах они умели, с одной стороны, стирать вручную гору белья, вставать в 5 утра, чтобы идти в магазин на другой конец города, и одновременно созерцать прекрасную архитектуру, радоваться романтике Волги, затягивать песни о великой реке и даже играть на мандолине. Приземленный советский быт не отпускал волевых хозяек, но и формировал характер, который создавал рамки того самого социального оптимизма, который и спустя несколько поколений поддерживается российскими женщинами.

Разный уровень ведомственного снабжения Жигулевска и Ставрополя наложил отпечаток на женский быт, домашнюю обстановку, ежедневный набор продуктов, а в конечном счете на мировоззрение, однако в социальной памяти женщин сегодня, несмотря на этот дисбаланс, разочарований они не испытывают. Возможно, это создавало неудобства в то время, но спустя годы и переломные моменты (перестройка, 1990-е) жительницы этих поволжских городов смотрят на ту жизнь как на «золотое время», и ставят на первый план человеческие отношения, а не продукты, жилье, машины и другие потребительские блага.

В четвертой главе «Женская повседневность наукоградов 1950-60-х гг. по воспоминаниям их жительниц» проанализированы особенности женской повседневности новых наукоградов, построенных в СССР в середине XX века как уникальном примере формирования социокультурной среды.

Создавая в городах для ученых образ «витрины социализма», власти также допускали дистанцию между идеальной и реальной моделями городской повседневности. Однако, именно в наукоградах яркие негативные константы женской повседневности нивелировались такими факторами, как отсутствие тяжелого физического труда на производстве, возможность не работать для многих из жен ученых, хорошее снабжение жильем и товарами первой необходимости, возможности свободного времени для творчества, самореализации, участия в культурной жизни и т.д.

При этом дискурс социальной памяти дает основание говорить о том, что в новых семьях советской интеллигенции в 1950-60-е гг. в меньшей степени были выражены патриархальные деревенские социальные практики (то самое главенство супруга в принятии решений и относительная вседозволенность его поведения), характерные для рабочих семей того же периода.

Динамика социокультурных перемен новых советских наукоградов также создавала необходимую социальную инфраструктуру женской повседневности: хорошие магазины, качественную сферу услуг, разветвленную сеть детских садов и школ. Однако, такое внимание и забота со стороны государства к ученым, порождало со стороны женщин неслышимый молчаливый социальный протест (характерный в том числе для женщин США в 1950-е гг.), связанный с отсутствием в большинстве случаев возможностей собственной профессиональной реализации. Это порождало культурный феномен, получивший в мемуарах жен прославленных ученых обозначение «золотой клетки». И даже исключительные случаи женской карьеры в новых наукоградах (например, Е.Н. Кладницкая в Дубне, Л.В. Келдыш в Жуковском

²³ Воспоминания Артюховой Н.Н., 1960 г.р. // Авторский архив, 19.05.2011.

или П.Я. Кочина в новосибирском Академгородке), не меняют общий женский социальный нарратив о гендерном дисбалансе в новых наукоградах СССР в этот период.

В первом параграфе четвертой главы (4.1.) «Особенности повседневности жительниц Дубны в период создания наукограда» проанализирована женская повседневность одного из первых советских послевоенных наукоградов, города физиков-ядерщиков, Дубны.

Воспоминания старожилок Дубны о том, как до развала СССР строился и развивался город, в котором женщин было очевидно меньше даже в численном отношении и даже в те времена, когда демографический баланс предполагал нехватку мужчин, – говорят о необычности этого локуса в Подмосковье. Местные жительницы, которые оставались жить здесь бок о бок с учеными, тоже пользовались спецснабжением и были вовлечены в культурную среду наукограда.

Если в сельской среде, среде рабочих и мелких служащих главными вопросами женской повседневности был именно быт, приготовление пищи и заготовка продуктов, воспитание детей, то женщины из научной мира в воспоминаниях касались прежде всего социокультурных аспектов повседневности, свободы говорения и мышления и ограничениях, накладываемых на них в те времена системой. Этой темы коснулись в письменных и устных мемуарах и жены иностранных ученых, оказавшиеся в Дубне «в золотой клетке», и жены руководителей лабораторий и проектов, ставшие заложницами «витрины социализма», и жены рядовых научных сотрудников, которые вполне довольствовались статусами лаборанток или технических работниц (женщины наукограда в любом сопоставлении жили лучше большинства своих ровесниц в других городах Союза). Женская повседневность в «обласканных» властями наукоградах, как новых городах СССР 1950-60-х гг., заметно отличалась от жизни в новых рабочих городах. Приехавшим «в глушь» заниматься наукой девушкам и женщинам (чаще всего выпускницам столичных научных центров) уже не приходилось заниматься тяжелой физической работой, работать на стройке (в отличие от девушек, прибывших в составе строительных бригад).

Жительницам Дубны так и не удалось стать самостоятельными фигурами. Сквозь призму повседневности и социальной памяти раскрывается их теневая роль – обеспечение надежного тыла мужей-ученых, которые трудились над одним из главных проектов СССР в сфере ядерной физики.

Во втором параграфе четвертой главы (4.2.) «Особенности женской повседневной жизни новосибирского Академгородка на рубеже 1950-60-х гг.» исследована женская повседневность сибирского наукограда, созданного в Советском районе г. Новосибирска, Академгородка.

Уникальность пространства повседневности Академгородка определялась тем фактором, что в отличие от Дубны или Жуковского, он создавался в период политической оттепели, во многом определившей новый формат и городской среды, и социально-бытовых практик.

Поскольку же «андроцентристское мировоззрение навязывает себя как нейтральное и не нуждается в привлечении внимания к себе»²⁴, постольку важно было отделить в общем пласте воспоминаний *мужское* от *женского*, сосредотачиваясь на

²⁴ Bourdieu P. La Domination Masculine. Paris: Seuil. 1998. P. 15-16

картине повседневности женщин-ученых и женщин, имевших отношение к научной жизни: «как жили, как дружили, как одевались, как встречали гостей, чем их угощали». Особый мир Академгородка создавался как мир возможностей научной деятельности и в то же время создания семьи, воспитания детей, ведения домашнего хозяйства. Корпоративная научная среда, взаимопомощь и тесные дружеские связи интеллектуальной элиты формировали особый тип культуры повседневности, в которой любые ограничения для женщин, если и случались бы, то имели подоплёкой не столько гендерные стереотипы, сколько меньшие способности или амбиции женщин, а также внутрисемейные правила.

Неписанные правила Академгородка предполагали, что верность ему заранее «оплачена» просторным бесплатным жильем, особым снабжением, отличными детскими учреждениями, разнообразием культурной жизни, свободой идей в научной корпорации. Так родилась не свойственная для всей советской науки модель женской повседневности, при которой было не столь важно, была ли женщина самостоятельным ученым или только супругой одного, равные или разные у них были статусы в науке и скорость движения по карьерной лестнице.

В третьем параграфе четвертой главы (4.3.) «Женская повседневность авиаграда Жуковский середины XX века» изучена повседневность нового городского пространства подмосковного авиаграда.

Память о повседневной жизни жуковчанок в 1950-60-е гг. – еще одно подтверждение слитости и перетекания индивидуального с коллективным. С одной стороны – витринная сторона жизни ранее секретного, а в 1960-е годы – просто военного городка, с хорошим снабжением, интеллектуальным отношением к досугу, быту и воспитанию детей, образцовой и нетривиальной модой, множеством культурных мероприятий. С другой – женская память дает сохранить при реконструкции прошлого детали советского непарадного рабочего и хозяйственного быта, который из «высокой» и романтизированной авиации опускался живших в городке в унифицированное, стандартное, аскетичное. Настолько аскетичное, что сквозь призму прошедших десятилетий даже бывшие предметом зависти на тот момент просторные коттеджи академиков ныне кажутся тесными.

Женская повседневность авиаграда в 1950-60-е гг. в преломлении индивидуальной памяти была уникальной – что подтверждает верность рабочей гипотезы. Приверженность к корпоративной культуре авиационной отрасли – героям-летчикам, ученым-авиаконструкторам – наложила отпечаток на общий тон идеологизации повседневной жизни и в коллективной, и в индивидуальной памяти. Авиаград подарил лучшие условия жизни и быта.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подведены основные итоги исследования.

Прежде всего, сформулирован основной вывод: комплексная реконструкция повседневной жизни жительниц новых городов СССР в 1950-1960-е годы, сделанная на основе значительного массива нормативных и ненормативных источников, убеждает в том, что бурная советская урбанизация, развернувшаяся еще до Великой Отечественной войны, возобновившаяся в годы Четвертой и в особенности Пятой пятилеток, сопровождалась увеличением численности женского городского населения по сравнению с сельским и трансляцией культурных образцов из крупных сложившихся, прежде всего столичных, агломераций за их пределы. Это касается и

трансмиссии новых ценностей из города в деревню, и – из столичных городов в регионы.

Примененная в диссертации попытка междисциплинарного моделирования образцового варианта повседневности женского населения в возникавших в 1950-1960-е годы советских городах может быть признана успешной. Реконструкция идеальной модели и сопоставление образцов с реальностью (восстановленной на основе рассказов советских горожанок) показала эвристическую ценность подобного метода изучения бытового прошлого в советском городе середины XX века. Сочетание антропологически ориентированных подходов (gender studies, urban studies, case studies, memory studies, social studies, cultural studies) позволило восстановить детали повседневности в условиях двух сосуществовавших пространств: сферы материальной культуры (объективной реальности городской среды) и сферы повседневных практик (субъективированной обыденной реальности) женской части населения.

Апробированная в диссертации исследовательская модель основана на ряде ключевых концептов (новый советский город, женская социальная память, динамика социокультурных перемен). Дав их конструктивные определения, оказалось возможным теоретизировать основной объект изучения – повседневность жительниц новых городов СССР, их бытовые практики и межличностные отношения, сопоставить идеалы и действительность, выяснить составляющие жизненной рутины, проведение досуга и домашних праздников, отчасти проследить детали их производственной обыденной жизни.

Анализ отечественной и зарубежной историографии по проблемам женской городской повседневности в СССР середины XX века позволил выявить этапы в изучении темы, годы большего и меньшего внимания к ней. От попыток «просто описать» бытовые условия жизни женщин, определенных изменчивым социальным контекстом эпохи оттепели (D. Brown, С. Nehemiah, G. Lapidus, G. Browning и др.) историографическая традиция эволюционировала к фиксации определенных проблем и противоречий в советской женской повседневности западными историками (J. Moses, L. Attwood, D. Filtzer, S. Boym, S. Reid, M. Ilić и др.), что дало толчок критическому осмыслению прошлого на основе постепенно накапливаемых нарративов о женщинах, собираемых в начале 1990-х (Н.Н. Козлова, О.М. Вовоченко и др.). Следующим шагом стало погружение исследователей в вопросы микроистории, женской социальной памяти и локальные практики женской городской повседневности в выбранный нами период (Н.Л. Пушкарева, И.В. Виниченко, Н. Лебина и др.) – и это характеризует новейший этап развития отечественной историографии. Однако во всей совокупности научных и приравненных к ним трудов о заявленной проблеме, тематика исследования повседневной жизни женщин в формирующемся пространстве нового советского города 1950-1960-х гг. так и не было исследована.

Идеальная модель городской повседневности в СССР задавалась официальной риторикой всесоюзных совещаний, резолюций пленумов и съездов ЦК КПСС, транслировалась в широкие массы через инструменты периодической печати. При этом даже женские журналы («Работница», «Советская женщина») декларировали образцовую жизнь в советском городе, имея в виду прежде всего мужчин-рабочих, занятых на производстве. Женщины-работницы и вообще горожанки Страны Советов были также адресатами подобных идеологических посланий, но им через официальные каналы внушалась «решенность» их «женского вопроса» и в качестве

образцовой объявлялась социальная роль труженицы, общественницы (передовика производства, бригадира, депутата) и (в свободное от производства и общественной работы время) роль хозяйки дома и воспитательницы детей. Между тем, образцовая модель нового советского города 1950-60-х гг. предполагала особый социальный эксперимент – осуществление «нового принципа расселения». В его рамках создавались микрорайоны, призванные в пределах пешей доступности удовлетворять бытовые потребности советских людей (женщин). В отличие от старых городов страны, в новых городах и городских районах создавалась особая инфраструктура, а с нею – и новая социокультурная среда, призванная быть образцовой (как в официальном идеологическом дискурсе, так и в пропагандистской риторике периодической печати).

Город, уличная среда в городском микрорайоне рассмотрены как первый уровень пространства женской городской повседневности. Вторым уровнем была сама жизнь в городской квартире, домашний быт. Третий уровень – это пространство женской социальной памяти, те воспоминания, которые сохранены женщинами о жизни в своих квартирах, о досуге в городских дворах и на улицах городов. В рамках индивидуального опыта эти условно выделенные пространства анализируются как три особых группы секвенций из собранных воспоминаний: (1) женские внутренние переживания, психоэмоциональный контент записанных рассказов; (2) истории внутрисемейных взаимодействий, внутрисемейной биографии - отношений с мужем и близкими, заботы о детях; (3) описания жизни в локальном пространстве нового города или городского района, профессиональной деятельности, общественных отношений.

Считая важным и эвристически полезным сопоставления эмпирических материалов, почерпнутых из воспоминаний и периодической печати того времени и анализируя названные выше пространства (город, квартира, индивидуальный мир), мы выделили сходства и принципиальные отличия женской городской повседневности в новых рабочих городах и возникших тогда же наукоградах 1950-1960-х гг.

Если в формировании пространства городской среды по советским шаблонам было больше сходств, нежели отличий, то в пространстве женской повседневности в городских квартирах и индивидуальной женской биографической памяти гораздо больше непохожего, уникального. Контекст тогдашних внутренних переживаний был во многом схожим для женщин, проживавших и в рабочих городах, и в наукоградах, если они были представительницами одного поколения. Но в контексте семейных отношений, профессиональной деятельности, локальной городской жизни было больше отличительных особенностей, нежели сходств.

Патриархальная семейно-брачная модель (более ярко выраженная в новых рабочих городах, нежели в новых наукоградах) имела под собой социальные основания: мужчина как глава семьи, зарабатывающий больше супруги и ответственный за финансовое обеспечение семьи (шаблон «добытчика»), имел все «права» на свободное время на досуге: «выпить с товарищами», уйти от домашних дел и т.д. Женские социальные роли, напротив, казались незаметными и малозначимыми, но именно они обеспечивали весь семейный быт в условиях советского дефицита на социально значимые товары (перекроить и перешить ткани, сделать заготовки на зиму, сэкономить на вторичном использовании определенных продуктов и т.д.). Предоставившая женщинам равенство прав, Советская власть негласно запретила им

жаловаться на тяжести быта и в этом смысле наследовала деревенским общинным отношениям, традиционному российскому семейному укладу, уходящего корнями в глубь веков.

Особенности женского быта в новых рабочих городах и городских районах были самым тесным образом связаны (несмотря на всю инновационность создаваемой городской среды) с традиционной моделью строительства внутрисемейных отношений и семейного поведения, которые были актуальными для дореволюционного времени и оттуда плавно перешли и в раннесоветское, довоенное, городское пространство. В новых рабочих городах (Салават, Ангарск, Жигулевск и др.), объявленных молодежными и комсомольскими стройками, девушки и женщины объявлялись самостоятельными «творцами» новой жизни: нового быта, новой городской среды, нового, характерного для молодого поколения, образа жизни. Но в этих новых городах женскую повседневность конструировали прежде всего установки на новые производственные достижения, а вовсе не бытовые удобства (они появлялись тоже, но были вторичными, по сравнению с нацеленностью – как это было и в первые пятилетки - на самоотверженный труд и производственные рекорды. В бытовом же плане новые города характеризовала все та же (характерная для многих старых и крупных городов) жилищная скученность, неизбежное (казалось) соседство со старшим поколением, отделиться от которого можно было, разве что, уехав на комсомольскую стройку за многие сотни километров. Наконец, в новом районе города с дореволюционной историей в женской повседневности оказывалось влияние не только представительниц старшего поколения (мам, бабушек), но и традиционных координат городского культурно-исторического пространства (церковь, частный сектор, рынок и др.). Специфика новых наукоградов 1950-60-х гг. определялась иными форматами влияния смежного городского пространства на женскую повседневность: близость Дубны и Жуковского к Москве, Академгородка к Новосибирску, как к крупным культурным и общественным центрам, спецснабжение и особая интеллектуальная среда дистанцировали и изолировали эти города от влияния практик женской повседневной жизни предшествующих лет.

Динамика социокультурных перемен 1950-1960-х гг, нашедшая отражение в женской социальной памяти, плотно связана с индивидуальными личными и семейными биографиями. Трудный быт в рабочих бараках в первые годы создания самого поселения, предстал в исследовании женской повседневности в новых советских городах временем воспитания маленьких детей. Этот коммунальный «барачный быт», в котором старшие помогали младшим, родственники и соседи – тем, кто рядом, был, по всей видимости, наследием общинного традиционного образа и стиля жизни с его стихийным коллективизмом, готовностью к взаимопомощи и взаимоподдержке, поиску стратегий дальнейшего согласия с родственниками и близкими. По большей мере, такая коммунальность характерна именно для 1950-х гг. В отношении следующего десятилетия - 1960-х гг., которое характеризовалось явными переменами в жизни всей страны, стремительным созданием социальной инфраструктуры городского пространства, а главное – получением сотнями тысяч советских граждан отдельных квартир – было временем долгожданного налаживания быта с повзрослевшими детьми. В женской социальной памяти оно воспринимается как время не испытаний, но именно стабильности и позитивных социальных ожиданий. Закаленный в условиях трудностей первых лет жизни в новом городе

женский социальный характер предстал готовым к переменам, в том числе и к худшему.

Анализ женских жизненных стратегий, нашедший отражение в строчках заметок местной периодической печати, а в особенности в глубинных биографических интервью показал, что для женской молодежи (рожденной в 1940-е) размеренность жизненных этапов и выработка соответствующих им стратегий поведения становились почти универсальными. После школы, получив комсомольскую путевку, желавшие строить собственную жизнь без помощи старших отправлялись на стройку пятилетки (с мужем, с женихом, а чаще в одиночку в надежде создать семью уже на новом месте), чтобы воспитывать детей самостоятельно, работая на заводе (или в НИИ, как в случае с наукоградами). Этот «рывок в неизвестность» обеспечил им гарантии самостоятельного принятия бытовых решений и осуществления многих планов в будущем. Однако сопоставление деталей рассказов собранных биографий показало, что при всей независимости и самостоятельности, при всех установках на новую жизнь и несопоставимые со старыми установками образцы семейного счастья, эти молодые строительницы «коммунистического завтра» переносили в новые, вымечтанные ими «голубые города» (которые, согласно строкам советской песни, им снились) значительную часть старых социокультурных традиций, обыкновений и нравов предыдущего поколения, воспитавших их родителей. Тем не менее, именно эти женщины новых советских городов были творцами новых традиций и новых форм межличностной коммуникации, воспитания детей, отношения со сверстниками, близкими, коллегами и мужьями. В этой женской самостоятельности, в желании заявить о себе и оставить память своими делами на новом месте был, в том числе, и вызов предшествовавшему поколению, сохранявшему прежние нормы и ориентацию на их консервацию.

Новый советский город создавал пространство для экспериментов в строительстве «социалистического образа жизни», который требовал от участников создания «атмосферы подлинного коллективизма и товарищества, сплочённости, нравственного здоровья». Для тех, кто приезжал в 1950-1960-е гг. на комсомольские стройки и в первые наукограды, эти цели были созвучны внутренним душевным порывам и устремлениям, и потому новые города возникали как «безбожные»: в них не строилось культовых сооружений, а в открывавшихся школах велась атеистическая пропаганда, шла открытая борьба с «бабушкиными наставлениями», которые считались оставленными в ушедшей в историю, прежней, дореволюционной России. На молодых атеистов, считавшихся авангардом молодежи, сделали ставку идеологи Советского Союза, не пожалев ведомственных средств и ресурсов для обеспечения в избранных нами для изучения «новых городах» уровня жизни чуть выше, чем в среднем по СССР. Особый ряд привилегий наукоградов (для представителей научной интеллигенции, зачастую скептически относившейся к социальным экспериментам и видевшим логику внутренних общественных процессов), обеспечивались еще более высокие стандарты жизни. И наукограды и рабочие города, построенные с нуля в 1950-60-е гг., сближала их независимость и особенности, отличия во многих аспектах (и от деревни, и от старых российских городов, и от прежнего образа жизни).

Общим для множества жизненных судеб приехавши в новые города и наукограды девушек и женщин была обнаруженная нами очевидная возможность «жить по-новому»: кто-то был готов растить в одиночку детей (не терпя домашнего

насилия), отказываться от соблюдения прежних ритуалов повседневной жизни (прежде всего, связанных с воцерковленностью), выбирать собственные стратегии поведения с коллегами по работе, соседями, знакомыми, стремиться к профессиональному развитию и признанию.

Именно тогда, в связи с реформой массового жилищного строительства, и получением семьями отдельных квартир, и сформировалось то социокультурное пространство повседневной жизни, бытового уклада и поведения, которое было характерно для всего советского и постсоветского российского общества второй половины XX века. Некоторые фундаментальные элементы этого пространства внутрисемейной повседневности сохранились и в современной России. И в этой сохранности, как показало исследование, огромную роль сыграла женская коллективная социальная память. Для представительниц поколения 1950-1960-х гг. характерны умалчивания в трансляции перечня основных событий личных биографий, осторожность в оценках общеисторического контекста – в том числе событий, свершившихся более полувека тому назад. Особенности их рассказов и коллективной памяти в целом сильно зависимы от той относительно высокой цены, которая была заплачена ими и их родителями за вклад в «отложенное» счастье их детей, за крушение надежд, идеалов и социального оптимизма, которое случилось в годы Перестройки и «лихие девяностые». Более открыты, детальны и оптимистичны воспоминания представительниц поколения дочерей (родившихся и бывших детьми на рубеже 1950-1960-х гг.). Пережив оттепель в годы детства, повзрослевшие в атмосфере родительской заботы и относительного благополучия (в отличие от страхов времен сталинизма), они в целом более оптимистичны. Их рассказы о семейном быте, повседневности их матерей позитивны.

И в то же время, имеющие широкий спектр ярких эмоций, связанных с собственным взрослением, социальной адаптацией, замужеством, построением семьи и воспитанием детей, женские воспоминания этого поколения – нерациональная идеализация пережитого опыта, завышенная (если сравнить рассказанное ими и их оценки даже с современными тем событиям публикациями) оценка материально-бытового и социального окружения, в котором были прожиты их «лучшие годы». Можно утверждать, что в этих воспоминаниях нашла отображение «ностальгия по всему советскому», «совностальгия», следствием которой является особая психологическая аберрация – старательное «забывание» реальностей советского дефицита и стремление представить борьбу с ним в те годы как успешное преодоление, жизненную победу. И все же та женская повседневность, которая формировала городские пространства во многих рассмотренных в этой работе городах, возникших в 1950-1960-х гг., не исчезла, не растворилась. Она продолжает существование в женской социальной памяти, тоже прошедшей через трансформации под влиянием времени. Эта память о прошлом – важная часть нематериального историко-культурного наследия советских городов, антропологии которых она придает особый объем и новые краски.

Начатый хрущевской реформой массового жилищного строительства переход от проживания в бараках и коммуналках к расселению в отдельных бесплатных (или доступных по цене в случае выплат в течение многих лет кооперативных) советских квартирах ознаменовал важные социальные перемены в стране, изменив модели семейно-брачных отношений (большую разделенность семей), быта, семейного и

вообще социального поведения, всей повседневной жизни. Предшествующие эксперименты и поиски наилучшей формы жилья для советского человека (дома-коммуны, соцгорода, коммунальные квартиры), основывались на уходящей вглубь веков, берущей истоки в крепкой общине (сформировавшей прочные традиции ввиду климата и рискованного земледелия на территории русских земель в течение десяти веков) коллективности. Новый же тип жилья, предусматривавший отдельную квартиру для каждой семьи, породил вслед за западными образцами, непривычный для страны индивидуализм и индивидуальные формы быта, иное содержание повседневности. Эти трансформации, которые начались во второй половине 1950-х гг. и не завершились даже с распадом СССР в 1991 году, вызвали не только ломку прежних межсемейных, внутрисемейных и межличностных связей, но и изменения в сознании советских людей, в том числе и женщин.

Однако, несмотря на ускоряющиеся темпы урбанизации с середины 1950-х гг., переход от традиционных, общинных, характерных для села и деревни, форм коллективной жизни и коллективного быта, к формам ведения индивидуального хозяйства, перемены в сознании людей и моделях повседневного поведения, менялись не сразу. Родившись и проведя детство или юность в сельских районах или городских бараках (по характеру жизни очень близких к сельскому типу), жительницы новых городов сохраняли на новых местах поначалу традиции сельского уклада. Это находило отражение в общепринятых в советских городах моделях семейного поведения, гендерных ролях и социально-бытовых практиках.

Глубинный комплекс проблем и противоречий, связанный с ощущением счастья жительниц новых советских городов и самой возможностью быть счастливыми по социальному сценарию, скрывается за весомой ширмой ностальгии по молодости и советскому времени.

Законченное исследование позволило доказать исключительную важность женщин как ключевых информаторов по теме бытового и повседневного, актуализировать ранее не считавшийся первостепенным по значимости источник по российской истории середины XX века – устные воспоминания советских горожанок. В своих неструктурированных заранее и не определенных особым лейтмотивом «жизненных историях» чаще всего вспоминали не об общеисторических событиях и фактах – смене политического руководства, директорах заводов или председателях облисполкомов, не о своих начальниках или руководителях, а о быте своих семей, о переживаниях, с которыми были связаны те или перемены в нем, о приватной стороне жизни. Это придает особую значимость собранному материалу как голосу тех, ради кого затевались реформы и при Н.С.Хрущеве, и позже, при Л.И.Брежневем. В этих рассказах – бесценный материал оценки результатов реформирования, его успешности, голос живых людей, который заставляет историков зачастую по-новому оценивать социальные процессы в СССР и России второй половины XX века. Сквозь призму преимущественно женских практик, связанных с обеспечением семьи продуктами питания и приготовлением пищи, выявлены многие важные для того времени (и именно для обычных людей, живших в нестоличных городах) социально-экономические проблемы. В воспоминаниях женщин они тоже нашли свое место (дефицит, блат, очереди), но даже они в женской памяти порой оказывались окрашенными в положительные тона. Те же очереди были средством коммуникации, обмена идеями, инструментом стирания классовых и материальных различий.

Несмотря на все социальные противоречия советской женской повседневности, а также серьезную дистанцию между идеологически заданным официальным дискурсом образцового пространства советского города, роли и места в нем человека, и реальными практиками социально-бытового уклада, повседневных практик и стратегий выживания в городской среде 1950-60-х гг., именно в рассмотренное нами десятилетие и произошли те социокультурные трансформации сферы обыденной реальности, которые развернули общественные и ценностные нормы от прежних, устаревших к модернизированным – городским, индустриальным. Новые стратегии поведения, эволюционировав во второй половине XX века, аккумулированные семейными биографиями, закрепленные передачей опыта через женскую социальную память, оказались высокоадаптивными ко всем сломам и трансформациям и существуют в современном обществе. В конечном счете, передача женщинами социального опыта и повседневных бытовых практик, привела не к размыванию и исчезновению, а напротив, – к укреплению межпоколенческих связей, упрочению самых важных для выживания нации духовных и культурных ценностей и по сей день остается одним из важнейших оснований для предрасположенности верить в свои силы и успех, иметь преимущественно положительные ожидания от жизни и других людей.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

I. Научные статьи в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК (курсивом обозначены журнальные статьи, индексированные в международных базах цитирования – Scopus и Web of Science)

1. *Жидченко А.В. Новый советский город как идеальная модель женской повседневности в 1950-60-е гг. // Современная научная мысль. 2024. № 1. С. 187-190.*
2. *Жидченко А.В. Повседневность советских горожанок 1950-1960-х годов глазами российских ученых. проблема женской социальной памяти // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2024. Т. 34. № 1. С. 123-132.*
3. *Жидченко А.В. Северный Кавказ-Сибирь: переезд и трансформации в женской повседневности в 1950-60-е гг. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. № 1. С. 7-14.*
4. *Жидченко А.В. Идеальная модель женской городской повседневности в СССР в 1950-е гг. (по материалам журнала «Советская женщина») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. 1(17). С. 18-31.*
5. *Жидченко А.В. «Колесо обозрения: женская социальная память о жизни гидростроителей в Сибирских Черемушках 1970-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 1. С. 25-30. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)*
6. *Жидченко А.В. Женская повседневность в Дубне в 1950-1960-е годы // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 211-226. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)*
7. *Жидченко А.В. «Создали себя и город»: женский вклад в развитие Магнитогорска 1950-1960-х гг. // Вестник Российского университета дружбы*

народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 393-407. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

8. Жидченко А.В. Религиозная ситуация в новых городах СССР середины 1950- середины 1960-х годов в современной женской памяти // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 219-236. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

9. Жидченко А.В. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х - 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3-1. С. 95-103. (совместно с Пушкаревой Н.Л., Беловым С.И.)

10. Жидченко А.В. Память о "зеленом строительстве" в Омске 1950-1960-х гг.: гендерный аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. т. 24. № 4. с. 37-52. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

11. Жидченко А.В. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 2. С. 593-611. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

12. Жидченко А.В. Бытовые практики послевоенного советского города в памяти жительниц г. Салавата как пример "совностальгии" // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-2. С. 287-296.

13. Жидченко А.В. Гендер и кулинарная основа культуры // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 193-195. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

14. Жидченко А.В. Англоязычная историография женской городской повседневности середины XX в. в США // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2021. Т. 12. № 4 (102).

15. Жидченко А.В. Советские горожанки в годы хрущевской оттепели глазами англоязычных авторов // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 3. С. 776-791. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

16. Жидченко А.В. Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 188-201. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

17. Жидченко А.В. Город-сад: советская повседневность 1960-х в социальной памяти горожан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 4. С. 1124-1135. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

18. Жидченко А.В. Пространство исторической памяти городского района крупного сибирского города: опыт научной реконструкции // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 297-308.

19. Жидченко А.В. Женская повседневность нового советского города в 1950-60-е гг. (по материалам г. Октябрьский Башкирской АССР) // Власть истории – История власти. 2023. Т. 9. Ч. 8. (№ 50). С. 160-167.

20. Жидченко А.В. "Женский праздник": традиции празднования Нового года в новом советском городе в 1950-60-е годы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2022. № 4 (64). С. 111-124.

21. Жидченко А.В. Пространство повседневности жительниц американского пригорода 1950-х гг. в современной музейной экспозиции (по материалам музея округа Джонсон, штат Канзас) // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 195-208.

22. Жидченко А.В. "Все давалось большим трудом и при любой погоде": женская память о бытовой неустроенности в послевоенном новом советском городе

1950-х гг. // *Via in tempore. История. Политология.* 2022. т. 49. № 2. С. 425-432. (совместно с Пушкаревой Н.Л.)

23. Жидченко А.В. Советский город как пространство женской повседневности: идеи и их реализация в годы хрущевской оттепели // *Петербургский исторический журнал.* 2021. № 4 (32). С. 120-130.

24. Жидченко А.В. Родильный дом в советском городе в середине XX в.: медицинский, социально-психологический и материально-бытовой аспекты // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История.* 2020. № 3 (55). С. 65-77.

25. Жидченко А.В. "Таежный Ленинград": повседневная жизнь горожанок Ангарска в 1950-1960-е гг. // *Петербургский исторический журнал.* 2020. № 4 (28). С. 150-158.

II. Монографии

1. Жидченко А.В. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950-60-е гг. Омск: Амфора. 2013. 444 с. (совместно с Рыженко В.Г.)

2. Жидченко А.В. История моего города: историко-культурное пространство новых городов и городских районов России середины XX века. Омск: Амфора. 2016. 404 с.

III Статьи в иностранных рецензируемых журналах

3. Zhidchenko A.V. Women scholars of Akademgorodok: everyday life in a soviet university town during the Thaw // *The Russian Review.* 2022. Т. 81. № 2. С. 302-324. (with Pushkareva N.)

IV Другие публикации в научных журналах, тезисы докладов

4. Жидченко А.В. Философское осмысление повседневности в трудах современных российских историков // *Гуманитарные знания в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы. шестые Арефьевские чтения. Материалы Международной научной конференции.* Москва, 2023. С. 132-137.

5. Жидченко А.В. Семья в пространстве исторической памяти города (по материалам новых городов Сибири середины XX в.) // *Семья и детство в повседневной жизни: история и современность. Материалы международной научной конференции.* В 2-х томах. Санкт-Петербург, 2023. С. 254-258.

6. Жидченко А.В. "Сибирские ленинградки": повседневная жизнь ангарчанок в 1950–1960-е годы // *Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении. Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Российская ассоциация исследователей женской истории, Костромской государственной университет, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.* 2023.

7. Жидченко А.В. История омского нефтезавода в контексте истории страны и социокультурного развития региона // *Государственное регулирование общественных отношений в регионе: социально-экономические, правовые и историко-культурные аспекты. сборник научных статей.* Чебоксары, 2022. С. 161-168.

8. Жидченко А.В. История омского нефтезавода в контексте социокультурного развития // Иркутский историко-экономический ежегодник. Сборник статей. Иркутск, 2022. С. 260-268.

9. Жидченко А.В. Дом, семья и быт как факторы социальной памяти советского города в 1950-1960-е гг. // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Отв. редактор В.А. Веремченко. Санкт-Петербург, 2022. С. 62-68.

10. Жидченко А.В. Женщины Северного Кавказа, ставшие сибирячками: трансформации женской повседневности 1950-60-х гг. // Женская активность: история и современность. материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021. С. 180-184.

11. Жидченко А.В. «Создание нового человека»: социальные трансформации в новых городах ссср в годы хрущевской оттепели // Ленин... История, память, образ: трансформация исторической памяти в пространстве регионов в XX - начале XXI в. Материалы II Международного форума историков, философов и публицистов. К 150-летию со дня рождения В.И. Ленина.

12. Жидченко А.В. Православные ценности в жизни советской семьи в новых городах СССР в 1950-60-е гг. // Русская словесность как основа Русского мира. материалы XV Международного форума. Липецк, 2020. С. 368-369.

13. Жидченко А.В. "Новые Тыхы": образцовый город польской народной республики в 1950-е гг.: эволюция социальной памяти // Запад - Восток. 2019. № 12. С. 61-74.

14. Жидченко А.В. "Средний возраст "22": повседневная жизнь нового советского города 1950-х гг. в пространстве женской исторической памяти (на примере г. Волжский) // Filo Ariadne. 2019. № 4 (16). С. 102-110.